

ДЖЕФФ
НУН

ФОНД
НУН

**БРОШЕННЫЕ
МАШИНЫ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Н89

Серия «Чак Паланик и его бойцовский клуб»

Jeff Noon
FALLING OUT OF CARS

Перевод с английского *Т. Покидаевой*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения автора.

Нун, Джефф.

Н89 Брошенные машины : [роман] / Джефф Нун; пер. с англ. Т. Покидаевой. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 352 с. — (Чак Паланик и его бойцовский клуб).

ISBN 978-5-17-109053-1

Что-то неладно в Британии: загадочная болезнь, против которой бессильны врачи, дезориентирует и сводит людей с ума. Никто больше не может увидеть себя в зеркалах или на фото: лишь чужие лица, отвратительных чудовищ или нечто неопределенно-расплывчатое. Хотя прием экспериментального лекарства, изготовленного из крови невосприимчивых к заразе счастливых, помогает в какой-то мере вычлнить из информационного шума упорядоченные сигналы, но для большей части населения это очень слабое подспорье.

Четыре человека колятся по дорогам Англии, выполняя заказ некоего мистера Кингсли. Осколки разбитого зеркала, сложенные воедино, якобы смогут положить конец эпидемии и вернуть искателям то, чего они жаждут больше всего на свете.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Jeff Noon, 2002
© Перевод Т. Покидаева, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Джеку

И большое спасибо

Джули

Мишель

Хейли

Биллу

Гранту

Эдгару Алану По

Джордж Эллиот

Майклу Брейсвеллу

Самуэлю Пепису

ПЕРЕДАЧА

Ты откуда?
И куда?

ПРИЕМ

1

Вчера все сорвалось. Чтобы так плохо — такого у нас еще не было. Они все были дома, вся семья в полном составе, и все как один — психопаты. Пришлось уходить ни с чем. Хендерсон получила по голове. Она обвиняет во всем меня. Нам надо было где-нибудь отсидеться, и мы вписались в мотель на окраине города. Местечко унылое, мрачное. Какие-то люди шатались по коридору всю ночь, причитали, стонали в голос. Заснуть — невозможно. Кровь в унитазе, говно на стенах. Все зеркала и даже экран телевизора густо замазаны черной краской. Но там было дешево — и безопасно. Нас никто ни о чем не спросил, даже когда мы сказали, что хотим снять одну комнату на троих. А утром — снова в дорогу, и ехать еще далеко. Очередная работа. А нам оно надо? Настроения после вчерашнего — никакого. Все сидят мрачные и подавленные. Все молчат.

Мы остановились поесть. Самое лучшее, что нам попалось, — передвижная закусочная, припаркованная у шоссе на площадке для остановки транспорта. Там же стояло несколько столиков. Кормили, кстати, вполне прилично. Мы поели и приняли порошок. Павлин сказал: пусть нам всем будет хорошо — отныне и впредь, несмотря ни на что. У него бзик насчет правил. Хендерсон поморщилась.

За соседним столиком сидела семья: папа, мама и дочка. Девочка подошла к нам. На вид лет шесть-семь; с грязными русыми волосами и как будто застывшим взглядом. Она спросила меня: «Хочешь поиграть с моей куклой?» Я дернула за веревочку, как мне было сказано, и кукла заговорила — таким противным тоненьким голоском, растягивая слова. Я не поняла ни единого слова, но девочка так обрадовалась, словно игрушка призналась ей в вечной любви. Она завизжала от счастья и принялась прыгать на месте.

И пока я смотрела на этого смеющегося ребенка и слушала надломленный кукольный голосок, ко мне снова подкралась боль — холодная и пронзительная тоска. Я попыталась закрыться, не подпустить к себе этот холод, но было поздно. Да, поздно. Что мне делать?

Куда идти?

Уже не один час в пути. Все было нормально, пока мы не попали в пробку. Рваные вспышки полицейских мигалок в мягких вечерних сумерках. Любопытство, опасность, смерть — уже состоявшаяся или в процессе. Рев сирен. Машины сгоняют на одну полосу. Полицейский показывает: проезжайте. Мы проезжаем.

Я смотрю на него в окно.

Очень молоденький, нервный. Руки в белых перчатках. Серия повторяющихся движений, по одному взмаху на каждый автомобиль. Все должно было быть очень просто: упорядочить движение, освободить проезд для «скорой». Но нет. Впечатление было такое, словно тут исполняют какой-то сложный ритуал. Первобытный обрядовый танец. Лицо полицейского скрыто под хирургической маской.

Его руки как будто ласкали воздух, так нежно. А потом указали прямо на меня. Руки трепетного любовника. Но я все равно не смогла понять смысл его жестов.

Надо быть осторожнее.

Мы проехали дальше, теперь — совсем медленно, к месту аварии. Большой грузовик с прицепом лежал на боку. Его, наверное, вынесло со встречной полосы. Должно быть, он шел на приличной скорости, потому что снес центральное ограждение и выехал где-то на середину крутого травянистого ската с той стороны дороги. Мне представилось, как эта

громада на мгновение замерла там, наверху, потом пошатнулась, и рухнула вниз, и сползла к тому месту, где лежала теперь, сложившись чуть ли не вдвое: длинный прицеп так и остался на травянистом склоне, а кабина частично перегородила шоссе.

— Закрой окно, — сказал Павлин.

— Зачем?

— Тебе же показали, что надо закрыть.

На месте аварии было полно полицейских. Хотя до темноты было еще далеко, там уже установили прожекторы — то есть пытались установить. Искусственный свет мерцал в рваном, сбивчивом ритме: вспыхнет на пару секунд, потускнеет, снова вспыхнет, погаснет, опять загорится. А потом вдруг единственный луч взметнулся в небо. Багровое небо, первые звезды.

Холодная голубая Венера только-только взошла.

И вот над нами навис опрокинутый грузовик; с такого близкого расстояния он казался огромным, как дом. Раздалось сердитое шипение, полетели искры. Это кто-то из пожарных пытался разрезать дверцу кабины автогенном. Санитары «скорой» уже стояли наготове с носилками и аптечкой.

Бедняга водитель был заперт в кабине, живой или мертвый, пока непонятно. Что же пошло не так?

Мы еле-еле ползли в плотном ряду машин, а потом и вовсе остановились. Оттуда, где мы стояли, было хорошо видно, что при падении прицеп открылся, и часть груза вывалилась на дорогу. Это были какие-то деревянные ящики. Асфальт поблескивал битым стеклом. Облако пыли висело в воздухе. Столько подробностей... у меня голова пошла кругом. Слишком много всего, слишком много информации. Шум опять подступал вплотную.

Луч прожектора вращался по кругу. Вот он высветил блестящие золотистые искры; у меня перед глазами как будто раскрылось соцветие из фиолетовых и золотых переливов. Пахло

горелым металлом. Во рту появился сухой металлический привкус. В ушах звенело.

Шипение горящего газа.

— Эй, ты чего?

Это Хендерсон: обернулась ко мне с переднего сиденья. Ее лицо, ее волосы, спутанные и всклокоченные, налились ярким, насыщенным цветом, когда луч прожектора мазнул по машине.

— Марлин?

Голос был смазанный и какой-то далекий. Луч уже сдвинулся дальше, но все равно мне казалось, что вся машина искрится бликами.

— Марлин, с тобой все в порядке?

— Да... да, все нормально.

Павлин меня научил, что надо делать: ни в коем случае не закрывать глаза, а сосредоточиться на какой-нибудь мелкой детали из внешнего мира. У меня на коленях лежала тетрадка, я опустила глаза и сосредоточилась на картинке на обложке. Почему-то мне было неловко: нельзя, чтобы они видели, как мне плохо. И я сидела, тупо тарашилась на свою тетрадь, стараясь не замечать ничего вокруг, и складывала в голове картинку.

Пытаясь ее удержать, удержать...

Кажется, у меня получилось. Ощущения пронеслись сквозь меня: искры, свет, струя горящего газа. Наконец я решила поднять глаза. Кто-то из полицейских постучал по боку нашей машины и сказал, чтобы мы проезжали.

Давно я не видела столько полиции в одном месте. Все полицейские были в белых хирургических масках. Некоторые вооружены. Я сперва не поняла зачем, но потом луч прожектора высветил фирменный знак на боку прицепа.

— Ой, бля, — сказал Павлин. — Вы видите?

— Видим, — сказала Хендерсон.

Большой распахнутый синий глаз и завиток золотистой пыли. И вот тогда я поняла, что значит облако пыли, завис-